

УДК 811.112

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ
(на материале современного немецкого языка)
В.В. Козловский (Киев, Украина)**

В.В. Козловский. Когнитивно-прагматический аспект грамматики (на материале современного немецкого языка). В статье подчеркивается роль грамматики в целостном механизме формирования мысли, ее роль в реализации отношений между языковыми и мыслительными процессами, в интерпретации языковых знаков.

Ключевые слова: грамматика, когнитивно-прагматический аспект, мысль, язык.

В.В. Козловський. Когнітивно-прагматичний аспект граматики (на матеріалі сучасної німецької мови). У статті підкреслюється роль граматики в цілісному механізмі формування думки, її роль в реалізації відносин між мовними і розумовими процесами, в інтерпретації мовних знаків.

Ключові слова: граматики, когнітивно-прагматичний аспект, думка, мова.

V. Kozlovsky. Cognitive and pragmatic aspect of grammar (on the material of modern German). In this article the role of grammar in the integral mechanism of thought formation is underlined, its role in realization of relations between linguistic and cognitive processes, in interpretation of linguistic signs.

Keywords: grammar, cognitive-pragmatic aspect, thought, language.

Ознакомление с работами, в которых языковые факты изучаются в аспекте когнитивной лингвистики [Демьянков 1994; Кубрякова 1994; Поллюжин 2002; Попова 2007 и др.], позволяет сделать вывод о том, что **объектом** изучения в этих работах преимущественно выступают единицы лексического уровня, в то время грамматическим единицам, являющихся основой формирования и выражения мысли, должного внимания не уделяется. Это приводит к нарушению баланса в общей картине взаимодействия лексики и грамматики и к недостаточной интерпретации языковых единиц.

Изучение вопроса отношений между грамматикой и ментальными процессами обусловлено **целью** данной статьи – подчеркнуть роль грамматики языка в нашей жизни, оценить ее функцию в целостном механизме формирования мысли, репрезентации фрагментов знаний как реакции на окружающую действительность [Кубрякова 1994: 36; Поллюжин 2002: 12]. Такая постановка вопроса определяет **актуальность** темы статьи.

Тактика изложения материала основывается на двух теоретико-методологических положениях В. фон Гумбольдта. Первое положение определяет грамматическую единицу как операционную единицу ментального уровня: она служит средством организации мысли и только „потом” – средством выражения содержания (семантики); второе – подчеркивает связь формы языка с формами мышления и культурой народа. Мышление В. фон Гумбольдт представляет как „духовную деятельность” – как „Граматику” (*als Grammatik*). Грамматика в понимании В. фон Гумбольдта – это своего рода „манифестация духа” (*„Manifestation des Geistes”*), обобщающий метод, который служит цели построения мысли и ее понимания: *Die zu ihrem [der Sprachen – В.К.] Studium unentbehrliche Zergliederung ihres Baues nöthigt uns sogar sie als ein Verfahren zu betrachten, das durch bestimmte Mittel zu bestimmten Zwecken vorschreitet, [...]. Diese Arbeit nun wirkt auf eine constante und gleichförmige Weise. [...]. Sie hat zum Zweck das Verständniss. Es darf also Niemand auf andre Weise zum Andren reden, als dieser, unter gleichen Umständen, zu ihm gesprochen haben würde* [Humboldt 1963: 419].

Х. Штейнталь также считал, что грамматику следует понимать как „форму представления мысли“ (*... als Darstellungsform von Gedanken, die das Stoffliche und das Formale des Gedankens durch differente Formen in Erscheinung bringt ...*) [Steinthal 1968: 391]. Грамматические средства, подчеркивает он, это – формы, функция которых состоит в формировании мысли в виде так называемых „ментальных языковых структур”. Такая направленность языка – в первую очередь его грамматика – имеет общественный характер. Ментальные структуры создаются и закрепляются в языке по мере познания человеком окружающего мира [там же].

Принимая во внимания сказанное, подчеркнем, что **грамм атика языка представляет собой комплекс ментальных языковых структур – структурированных лингвистических единиц.** „Структурированный” означает *оформленный в соответствии с существующими в языке системными отношениями.* Такие единицы создают в совокупности инвентарь лингвистических единиц – слов, словосочетаний, словоформ, простых и сложных конструкций с разной степенью синтаксической связанности составных [Redder, Rehbein 1999: 9–10].

Конвенциональный характер языковых единиц определяет их символьное значение в рамках определенного контекста. Например, в группе единиц *Brot* (хлеб), *Salz* (соль), *Tag* (день), *Nacht* (ночь); *Held* (герой), *Tod* (смерть); *sterben* (погибнуть); *gut* (хороший), *schlecht* (плохой) фиксируются такие части речи, как имя существительное, глагол, прилагательное. Они могут образовывать разные классы грамматических форм и разные по количественным параметрам языковые структуры. Как показывает практика, эти единицы имеют высокую степень конвенциональности. Они превратились в лингвокультурные символы с достаточно эксплицитной представленностью. В виде символов они существуют в нашем сознании. Репрезентации символов (выражение

отношений между грамматикой и ментальными процессами) предшествует сигнал в виде намерения человека высказать задуманное.

Структурированный инвентарь лингвистических единиц объединяется в нашем сознании в „блоки“: *Brot und Salz* (хлеб и соль), *Tag und Nacht* (день и ночь), *den Heldentod sterben* (погибнуть смертью героя), *gut und schlecht* (хороший и плохой). Введенные в определенный контекст, эти блоки служат способом выражения конкретного смысла (и символа), который связан с конкретной картиной мира. Грамматика проявляет себя в том, что, во-первых, слова-блоки построены в соответствии с семантико-синтаксическими правилами, во-вторых, каждое слово находится в соответствующей морфолого-синтаксической форме. Изменение формы блока ведет к нарушению его структуры, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости когнитивной структуры языковой единицы – как слова, так и всего блока.

Процесс интерпретации языковой единицы основан на том, что **выбору конкретной грамматической единицы предшествует конкретная когнитивная операция**. Это означает: выбор и употребление грамматической формы или конструкции – это умственная целенаправленная деятельность человека в конкретной ситуации взаимодействия. Например, употребление временной формы Perfekt .. *habe ... gelesen ...* (... прочитал ...); ... *ist ... gekommen ...* (... пришел ...) ассоциируется с фактом завершенности действия, прямой связью (контактом) момента речи и момента действия, что определяет актуальный характер предложения (высказывания). Семы „завершенность” и „актуальность” являются одновременно и ментальными единицами высокой степени конвенциональности. Они существуют в памяти участников интеракции в виде символических знаков, операционных единиц, выражения и восприятия факта завершенности определенного действия. Аналогичная когнитивная функция свойственна и другим временным формам (как ментальным структурированным единицам). Грамматические формы *Futur I* и *Präsens* служат не только средством выражения абсолютного будущего и абсолютного настоящего – в этом состоит их грамматическое значение (план содержание, семантика). Как ментальные единицы они вызывают у человека ассоциации: определенные представления жизни в форме так называемых фрагментов картин мира, которые носители языка представляют в рамках мыслительных процессов (операций) сознания. Например, абсолютное прошедшее / настоящее / будущее закреплены в сознании человека конкретными знаками в виде языковых форм – „лингвистических“ структур памяти. Человек оперирует ими, когда необходимо отреагировать на ту или иную команду: принять или отправить информацию о временных характеристиках объекта. То же самое можно сказать про грамматические конструкции: *wollen / sollen + Infinitiv I / II*, употреблению которых предшествуют мыслительные операции по выбору способа передачи „чужих слов“ (*Wiedergabe fremder Worte*) и „оценочного отношения говорящего к

содержанию передаваемого“ (*einschätzende Stellungnahme des Berichters zum Inhalt fremder Worte*):

Er will / soll wohl dieselbe Schule absolvieren.

Er will / soll dieselbe Schule absolviert haben.

Эти конструкции занимают в грамматической системе немецкого языка „отдельное“ место. Их употребление определяется условиями коммуникативной ситуации, когда необходимо: а) воспроизвести чужие слова, при этом б) выразить „негативное“ отношение говорящего к содержанию передаваемого (*сомнение / предположение*). В одном случае (с глаголом *wollen*) в роли подлежащего выступает то лицо, слова которого воспроизводятся, в другом (с глаголом *sollen*) – непосредственный автор в силу композиционных причин не называется, что в нашем представлении соотносится со структурами: *Man sagt, ... Es heißt, ... (Говорят, что ...)*. *Infinitiv I* и *Infinitiv II* – знаки, обозначающие „настоящее“ и, соответственно, „прошедшее“. „Заслуга“ грамматики состоит в том, что она зафиксировала и оформила конструкцию, определила для нее условия употребления. Иными словами, грамматика – благодаря системе категориальных отношений – „обеспечивает“ связи по линии *форма – значение*, открывает возможности реализации прагматических отношений по линии интенции говорящего, типа речевого действия (акта), реакции слушающего.

К специфическим для немецкого языка конструкциям относятся образования с модальными глаголами в претерите конъюнктива (*Präterit Konjunktiv*) (А), конструкции косвенной речи со сказуемым в форме презентного / претеритального конъюнктива (Б), устойчивые (*festige*) конструкции со сказуемым в форме претерита / плюсквамперфекта конъюнктива, кондиционалиса I (В), употребляемые для выражения „вежливого“ („дипломатического“) утверждения / просьбы / желания / вопроса / предложения и т.п. [Козловский 1997: 153–164]. Например:

(А) *Ich könnte Sie anrufen (Indikativ: Ich kann Sie anrufen)*

Wir müssten ihn einladen!

Er dürfte sich geirrt haben.

(Б) *Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren wäre /*

Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren sei.

Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren ist.

(В) *Es wäre alles.*

Ich hätte vierhundert Gramm Käse.

Ich hätte Sie gern gesprochen!

Wie wäre es mit einer Fahrt ins Grüne?

Знак как таковой соотносится с определенным значением. При этом знак и значение отображают в сознании человека определенные правила / условия / возможности употребления языковых форм. Например, грамматическая единица *könnte* (пример группы А) служит для выражения: а) действия, которое *может / или могло бы быть реализованным при определенных*

условиях, б) *возможности*, в сочетании с *вежливостью*. Сценарий формы *müsste* соотносится прежде всего с *предложением* в *вежливой* тональности, а формы *dürfte* – *вежливым (дипломатичным) утверждением*.

В памяти человека существуют структуры с устойчивыми представлениями поведения участников взаимодействия. Это приводит к созданию определенных образов (*Gestalten*). К таковым можно отнести грамматические структуры, служащие для репрезентации факта „воспроизведения“ чужих слов и соответствующих отношений между „непосредственным автором“ высказывания (*Urheber*), тем, кто его „передает“ (*Berichter*), и тем, кто его „принимает“ (*Hörer*) – (Б). Немецкий язык выработал устойчивые связи между языковым знаком и полем его функционирования: факт передачи „чужих слов“ находит выражение в употреблении формы конъюнктива (*Konjunktiv*).

С когнитивно-прагматической точки зрения употребление лингвистической единицы соотносится с целями, мотивами и ожиданиями говорящего. Процесс осмысления речевого действия включает также оценку ситуации реального общения, выбор конкретной языковой формы, приобщения ее к соответствующей структуре мышления. Осуществляется связь: содержание того, что говорящий „непосредственно говорит“ (семантическая структура) + цель + выбор языковой формы + грамматизация (оформление) + актуализация. Эти этапы отражают ментальные операции, которые человек сознательно совершает. Немецкие грамматики отмечают, что употребление претеритальных форм конъюнктива в предложениях косвенной речи (*Präterit / Plusquamperfekt Konj. / Konditional*) (1) может быть вызвано намерением говорящего подвергнуть чужие слова негативной оценке (сомнению, несогласию, отрицанию и др.), а употребление презентных форм (*Präsens / Perfekt / Futur I Konj.*) (2) – засвидетельствовать свое нейтральное отношение к содержанию передаваемого. Что касается формы индикатива в предложениях косвенной речи (3), то эта форма рассматривается как единица, которая может подчеркивать позитивное отношение говорящего („positive“ *Stellungnahme des Berichters*) к содержанию чужих слов (поддержка непосредственного автора, солидарность с его мнением и т.п.):

- (1) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen hätte.*
- (2) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen habe.*
- (3) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen hat /hatte.*

Интерпретация факта употребления форм конъюнктива и форм индикатива включает конкретные мыслительные операции со стороны говорящего и со стороны слушающего: для говорящего – это: 1) оценка ситуации, 2) выбор языковой единицы, 3) употребление языковой единицы; для слушающего – это: 1) прием информации, 2) ее оценка, 3) ответная реакция. Каждый шаг этих операций осуществляется благодаря: а) существованию в памяти структурированных языковых единиц, б) их конвенциональному

характеру, в) языковой и коммуникативной компетенции участников взаимодействия

Лингвистические структуры в границах ментальной деятельности ассоциируются с конкретными понятиями (образами), при этом сами ассоциации возникают на основе связи конвенционального значения лингвистической единицы и текста, в рамках которого она употребляется [Демьянков 1994]. Конвенциональный характер лингвистической единицы обусловлен стереотипами окружающего мира, реакцией на это со стороны человека и относительно высокой степенью частотности употребления этой единицы. Ассоциации, которые возникают во время употребления лингвистической единицы, в рамках определенного контекста приводят к символизации понятия. К корпусу таких единиц в немецком языке можно отнести устойчивые речевые формулы со сказуемым в форме претеритального конъюнктива. Например:

Da wären wir am Ziel ... – Вот мы и на месте ...

Wie wäre es mit einem Spaziergang? – Как насчет прогулки?

Ich hätte gern diese Schuhe ... – Я бы хотел (купить) эти туфли ...

Es wäre gut, wenn ... – Было бы хорошо, если ...

В основе „устойчивости” (*Festigkeit*) конструкций лежит фактор „частоты употребления“ (*Gebrauchlichkeit*) в языковой среде. „Устойчивость“ проявляет себя на структурном, психолингвистическом, прагматическом уровнях. Конструкции такого типа прошли долгий путь развития, что обусловило „кристаллизацию“ ее структурно-семантической основы. Двигательной силой „кристаллизации“ есть человеческий фактор, который на каждом этапе развития явления находил соответствующую языковую форму. Конъюнктивная структура этих образований – это инструмент познания ситуаций взаимодействия. Отображение задуманного осуществляется на фоне учета факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Для адресата процесс познания ситуации осуществляется в виде восприятия услышанного (написанного) и понимания смысла (того, что имел ввиду / задумал адресант). Этапы взаимодействия основываются на конвенциональном характере языка как объективном факторе, общей и языковой компетенции адресанта и адресата – как факторе субъективном. Для адресанта субъективный фактор проявляет себя в том, что он сознательно и в соответствии с целью выбирает именно такую формулу, которая, по его мнению, должна привести к желаемому эффекту, а для адресата – в его умении распознать смысловую нагрузку этой формулы. Таким образом, ментальные структуры становятся оперативными системными единицами памяти, ментальным фондом, который находит свое отражение в психике человека. Как информационная единица она отражает результаты познания мира человеком, его знания и опыт [Попова 2007: 217].

Перспектива исследования данной проблемы на материале современного немецкого языка состоит в установлении целостной картины грамматикализованных структур, их систематизации та интерпретации с целью

получения соответствующих данных, что будет содействовать раскрытию качественных характеристик ментального мира индивида и коллектива [Дигоева 2000: 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.
2. Дигоева Э. В. Когнитивная прагматика как новое направление в изучении языка / Э. В. Дигоева // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – 2000. – С. 25–26.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
4. Козловский В.В. Предложения с конъюнктивом (структура, семантика, прагматика) / В.В. Козловский. – Черновцы: Рута, 1997. – 281 с.
5. Полюжин М.М. Когнітивно-прагматичні механізми іллокутивних моделей мовлення / М.М. Полюжин // Проблеми романо-германської філології. – 2002. – С. 9–16.
6. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М.: АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.
7. Humboldt, W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts / W. von Humboldt – Werke, Bd. III. – 1963. – S. 368–756.
8. Redder A., Rehbein J. Zusammenhänge von Grammatik und mentalen Prozessen / Angelika Redder, Jochen Rehbein // Grammatik und mentale Prozesse. – StauFFenburg Verlag, 1999. – S. 1–11.
9. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zueinander / H. Steinthal – Hildensheim: Olms. – 1968. – 528 S.

Козловский Виктор Владимирович, доктор филол. наук, профессор кафедры германской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; e-mail: vvkoz@yandex.ru